

Французский символизм по-русски: анализ индивидуального стиля в переводах стихотворения «Il pleure dans mon coeur...» П. Верлена

Л. Ю. Парамонова
Екатеринбург, Россия

Аннотация. В данной статье анализируются переводы стихотворения П. Верлена «Il pleure dans mon coeur...» разными поэтами-символистами. Автор статьи показывает, что в переводных стихотворениях символисты сохраняют свои главные мотивы и приверженность к излюбленным символам и цветам. Кроме того, проводится анализ лексического и фоносемантического уровней стихотворений, с целью нахождения более глубоких различий и сходств между переводами.

Ключевые слова: символизм, перевод, индивидуальный стиль, П. Верлен, фоносемантика, цветозвук.

L. YU. PARAMONOVA. *French symbolism in Russian: an analysis of poets' individual style in translations of the poem by P. Verlaine "Il pleure dans mon coeur..."*

Abstract. There is analyze of different symbolist poets' translations of the poem by P. Verlaine "Il pleure dans mon coeur..." in this article. The author demonstrates that symbolists retain their own main motives and commitment to their favorite symbols and colors, translating poems. Furthermore, the analysis of lexical and phonosemantic levels of the poems is made to discover deeper differences and similarities between the translations.

Keywords: symbolism, translation, individual style, P. Verlaine, phonosemantics, color symbol.

Как известно, Поль Верлен — один из величайших французских лириков XIX века, переводами его произведений занимались как современники, так и многие сегодняшние исследователи, не утратившие интереса к вершине французской поэзии. Поскольку Верлен являлся одним из основоположников символизма и импрессионизма в литературе, он был знаковой фигурой для русских символистов, идущих вслед за Францией своим особым, символистским путем. Ориентация на западноевропейскую культуру в первой трети Серебряного века имела первостепенное значение, что выражалось в количестве переводной литературы, и поэзия Верлена, наряду с произведениями других иноязычных авторов, приобрела в России известность именно благодаря переложениям русских поэтов.

В период Серебряного века переводами стихотворений Верлена занимались Ф. Сологуб, В. Брюсов, И. Анненский, Б. Пастернак, Д. Мережковский, Г. Шенгели, А. Эфрон и др., и постепенно русская общественность открыла для себя великого французского классика. Русские символисты не только прививали читающей публике любовь к французской поэзии, но и сами почерпнули немало литературных приемов в творчестве Верлена. Об особом значении поэзии Верлена в России писали В. М. Жирмунский, С. А. Венгеров, К. Н. Григорьян, и — ранее — сами поэты-символисты. Но в данной работе нам хотелось бы затронуть другую проблему, а именно проблему перевода стихотворений Верлена русскими символистами. В литературоведении существует множество работ, посвященных анализу русскоязычных переложений поэзии Верлена и в целом французской поэзии. Обозначим наиболее значимые из них: «Поэзия и перевод» Е. Эткинда [Эткинд 1963], «Федор Сологуб — переводчик французских символистов» В. Е. Багно [Багно 1991: 129–215], «Искусство перевода и жизнь литературы» А. В. Федорова [Федоров 1983], из более поздних можно назвать статьи Э. Анри-Сафье, Д. Галя, Б. Дубина, С. В. Файн и др.

Очевидно, что каждому поэту присущ свой индивидуальный стиль, особенности рифмовки, ритмико-мелодическая и мифопоэтическая организация,

что, несомненно, оказывает влияние и на переводную литературу. Читая перевод стихотворения, мы получаем не в чистом виде авторский текст, а так называемую квинтэссенцию двух поэтических вселенных — автора оригинала и автора-переводчика. Как бы ни было близко к тексту оригинала переведено то или иное стихотворение, все равно в нем отчетливо видны черты поэтики автора-переводчика. Для иллюстрации данного положения приведем два различных перевода одного и того же стихотворения Поля Верлена «*Il pleure dans mon coeur...*» и проанализируем их с точки зрения особенностей поэтики авторов-переводчиков.

«*Il pleure dans mon coeur...*» — одно из самых известных стихотворений Верлена, количество его переводов на сегодняшний день насчитывает более девяти, но нас будут интересовать два из них, принадлежащие перу русских символистов — В. Брюсова и Ин. Анненского. Два этих поэта, несмотря на принадлежность к одному литературному течению, совершенно различны по своим литературным предпочтениям. В. Брюсов — «вождь русского символизма», провозглашающий его величие и мировой масштаб, писавший о своем предназначении распространять символизм в России, был горячо увлечен французской поэзией, в частности, Верленом, и создавал свои сборники стихотворений в 1894–1895 годах. Первые его стихотворения носили характер подражания Верлену, эксперимента с символизмом на русской почве, однако впоследствии переложения уже стали непосредственно переводами и приобрели глубокий смысл и сосредоточенность на стихотворении-оригинале. Но, несмотря на такую юношескую увлеченность, на зрелое творчество В. Брюсова стихи французского декадента сильного влияния не оказали. Другое дело И. Анненский — поэт глубоко трагический, чувствительный, склонный к импрессионистической поэтике и музыкальности, ему была близка меланхолическая тональность стихов Верлена. М. Горький писал о Верлене: «...в его всегда меланхолических и звучащих глубокой тоской стихах был ясно слышен вопль отчаяния, боль чуткой и нежной души, которая жаждет света, жаждет чистоты, ищет Бога и не находит, хочет любить людей и не может» [Горький 1953]. Как соотносятся эти строки и с творчеством самого И. Анненского!

Обратимся к стихотворениям всех трех поэтов и докажем, что каждое из них несет оттенок авторской индивидуальности и неповторимости на различных уровнях стиховой формы.

Поль Верлен, 1874

Il pleure dans mon Coeur
Плачет в моем сердце
 Comme il pleut sur la ville.
Как идет дождь в городе
 Quelle est cette langueur
Что это за томление

Qui penetre mon coeur?
Что проникает в мое сердце?
 O bruit doux de la pluie
О нежный шум дождя
 Par terre et sur les toits!
На земле и на крышах!
 Pour un coeur qui s'ennuie,
Сердце, которое скучает,
 O le chant de la pluie!
О песня под дождем!
 Il pleure sans raison
Плачет без причины
 Dans ce coeur qui s'ecoere.
В этом сердце отвращение.
 Quoi! nulle trahison?
Как! Нет измены?
 Ce deuil est sans raison.
Это траур без причины.
 C'est bien la pire peine
Это худшая боль
 De ne savoir pourquoi,
Не знаю, почему,
 Sans amour et sans haine
Без любви и без ненависти
 Mon coeur a tant de peine.
Моему сердцу так трудно.

В. Брюсов, 1894

Небо над городом плачет,
 Плачет и сердце мое.
 Что оно, что оно значит,
 Это унынье мое?

И по земле, и по крышам
 Ласковый лепет дождя,
 Сердцу печальному слышен
 Ласковый лепет дождя.

Что ты лепечешь, ненастье?
 Сердца печаль без причин...
 Да! Ни измены, ни счастья, —
 Сердца печаль без причин.

Как-то особенно больно
 Плакать в тиши ни о чем.
 Плачу, но плачу невольно,
 Плачу, не зная о чем.

И. Анненский, 1904

Сердце исходит слезами,
 Словно холодная туча...
 Сковано тяжкими снами,
 Сердце исходит слезами.

Льются мелодией ноты
Шелеста, шума, журчанья,
В сердце под игом дремоты
Льются дождливые ноты...

Только не горем томимо
Плачет, а жизнью наскуча,
Ядом измен не язвимо,
Мерным биеньем томимо.

Разве не хуже мучений
Эта тоска без названья?
Жить без борьбы и влечений
Разве не хуже мучений?

Как мы видим, текст перевода В. Брюсова по лексическому составу более близок к оригиналу, вариант же И. Анненского, скорее, вольный перевод стихотворения, чем точное ему следование. Стихотворение Анненского, как и оригинал Верлена, построено на связи между явлениями природы и душой человека, здесь нет лирического героя, на первый план выходит миропереживание: «*сердце исходит слезами*», «*льются дождливые ноты*». Здесь нет «я», но смысл понятен из контекста, и только благодаря контексту мы видим картину дождливого вечера, столь сильно влияющую на душу человека. Но где же внешние показатели дождя, пейзажа или города? Психологический символизм, как называет метод Анненского Л. Я. Гинзбург [Гинзбург 1964: 316], точно также характерен и для стихотворений Верлена — отсюда это поэтическое сходство в манере повествования. Однако в переводе Анненского все действие стихотворения разворачивается внутри, во внутреннем мире, и напрочь отсутствует какой бы то ни было пейзаж, конкретика или указания на местность (в оригинале — «*Par terre et sur les toits*» («...шум дождя // На земле и на крыше»)) — поэт передает чистые состояния души: «*Сковано тяжкими снами, Сердце исходит слезами*». Уже во второй строфе мы видим типичный мотив для поэзии русского символиста — мотив сна, дымки, дремоты: «*В сердце под игом дремоты // Льются дождливые ноты...*», несмотря на то, что у Верлена нет подобных метафор. Анненский использует свой излюбленный мотив, чтобы стереть грань реальности и нереальности, показать зыбкость и неустойчивость психологического состояния. Он усиливает пограничность переживания, заставляя читателя усомниться, не во сне ли происходит все описываемое. Неопределенность, зыбкость мира в стихотворении Анненского подчеркивают движущиеся образы, рисуемые автором в той же второй строфе — «*Льются мелодией ноты // Шелеста, шума, журчанья*»: это чистый импрессионизм. Мы словно видим перед собой изменяющуюся картину, поблескивающую, искрящую мелкими разноцветными мазками. Мир в стихотворении иллюзорный, меняющийся, но он, как саваном, накрыт дремотой, в то время как у Верлена мы наблюдаем пейзажную

зарисовку, усиленную душевным терзанием, которое открывает нам героя действующего, думающего, страдающего. Анненский привносит в верленовский стих свое, глубоко трагическое ощущение реальности. Поэзия Анненского — поэзия мучительная, в ней часты мотивы смерти, забытия, сна и сожаления. «Выбор произведений, переведенных Анненским, — утверждает А. В. Федоров, — определяется в большинстве случаев тематической и эмоциональной близостью к его поэзии» [Федоров 1983: 188–204]. Мы можем наглядно убедиться в этом: своей трагической интонацией данное стихотворение отвечает характеру собственной поэзии Анненского. Очень важны в восприятии стихотворения слова-указатели, используемые поэтом для обозначения состояния, они нагнетают атмосферу отчаяния: «*сердце исходит слезами*», не плачет, как у Верлена, а именно исходит, то есть достигает высшей точки своего страдания; «*сковано тяжкими снами*», Анненский не просто привносит мотив сна в перевод Верлена, но и делает его еще одной причиной мучений: сны приносят боль, тяжесть на сердце. Отсюда еще один образ — «*сердце под игом дремоты*», его что-то гнетет, угнетает. Сюда же можно отнести появляющийся во второй строчке стихотворения образ холода, отсутствующий у Верлена, — «*словно холодная туча*». Однако есть ли этот трагизм в оригинале?

Верленовское стихотворение построено на постоянном сравнении внутреннего состояния и внешней реальности, но даже уже на уровне метафорики виден его более светлый характер. Сравним образы, встречающиеся у двух поэтов в стихотворении:

Верлен

Слезы — дождь в городе —
томление — скучающее
сердце — песня — траур без
причин — боль — любовь и
ненависть

Анненский

Слезы — холод — тяжкие
сны — иго дремоты —
дождь — горе — скука —
яд — мучение — тоска —
борьба и влечение

В произведении Верлена сердце скучает и томится по чему-то необъяснимому, поэтическая речь то и дело переходит с внешнего на внутренние переживания, словно сравнивая два состояния — души и природы. Но в оригинале нет такой безысходности, которую можно наблюдать у Анненского. Верлен передает томление, но в этом томлении скрыты ноты восхищения, даже благоговения. В этом можно убедиться, обратившись к ритмико-интонационной организации стихотворений.

Интонация верленовского стихотворения плавная, практически песенная, передает текучесть мысли лирического «я», в ней множество восклицаний, и вопросов, вытекающих один из другого: «*Quoi! nulle trahison?*» («*Как! Нет измены?*»). Он словно восхищается тем, что приносит ему эту невообразимую печаль: «*O le chant de la pluie!*» («*О песня под дождем!*», «*О нежный шум дождя!*»). Мир Верлена полон музыки — дождь поет песни и нежно шумит по крышам домов. Активная звукопись на гласные звуки и аллитерация на «л» в первых

двух строфах передают музыкальность и усиливают текучесть и певучесть стихотворной интонации. Заметим, что и для Анненского мир — это музыка, слышимая даже в страдании: отсюда в стихотворении появляется образ «*дождливых нот*». Перевод Анненского также очень музыкален, но интонация у него рассуждающая, постоянно прерывающаяся вопросами и многоточиями. Поэт полностью сохраняет верленовскую рифмовку, но обилие пауз (многоточий и запятых) делают звучание стихотворения более тяжелым, вязким. Для Анненского, как и для Верлена, очень важна ритмика, именно поэтому он подменяет восклицания многоточиями, что добавляет стихотворению тот самый оттенок раздумья и трагизма. В нем больше неуверенности, усталости и боли, чем в строках Верлена, больше безнадежности и разочарования. В его произведении душа плачет не столько от тоски, сколько от пресыщенности жизнью. Однако в нем больше и мелодичности, без которой Анненский практически невозможен. Он ищет звуки, подбирая слова скорее по звучанию, чем по смыслу, и стихотворение льется, льется как музыка: «*Ядом измене язвимо, // Мерным биеньем томимо*». Анненский как будто бы играет со звуками, его строки изобилуют звукописью. Постоянные ассонансы на «о» и «и» добавляют стихотворению глубину и протяжность; как и в оригинале Верлена, часто в стихотворении аллитерация на «л»: «*Льются методией ноты // Шедеста, шума, журчанья, // ...Льются дождливые ноты...*». Она еще сильнее подчеркивает движение, ибо звук «л» в символизме означает что-то плавное, льющееся, летящее. Однако к последней строфе ритм убыстряется за счет вопросительных предложений, что оставляет впечатление порыва к действию, к разрыванию замкнутого круга. Появление здесь образов сна, дремоты, яда, скуки, мучений — не случайно, это центральные образы поэзии И. Анненского. В его мире сон и явь неразличимы по своей тяжести, потому как и в том, и в другой невозможно прожить без мучений и боли. И именно поэтому перевод Анненского кажется безысходнее оригинала.

Если же обратиться к переводу В. Брюсова, здесь мы увидим несколько иную картину. Что касается лексического и метафорического уровня стихотворения, автор подошел максимально близко к верленовскому тексту. Сравним:

Верлен	Брюсов
Слезы — дождь в городе — томление — скучающее сердце — песня — траур без причин — боль — любовь и ненависть	Небо над городом — слезы — унынье — сердце печальное — лепет дождя — печаль без причин — плач ни о чем — невольный плач

Но, несмотря на такое, почти дословное соответствие образов и точное воспроизведение смысла стихотворения, в переводе Брюсова теряется тот тон восхищения, который был пронесен Верленом сквозь строки о боли и томлении. Сохраняется в стихотворении мотив незнания, непонимания причин своей боли, но она просто

принимается лирическим героем без удивления и восхищения.

Помимо внешнего содержательного сходства с текстом-оригиналом, стихотворение по своей тональности все же более светлое, чем у Ин. Анненского. Здесь появляется лирический герой или, по крайней мере, отсылка к его существованию — местоимение «мое» (сердце). Это уже не дремотное состояние полусна-полуяви, а вполне осознанное переживание лирическим героем определенного психологического состояния. Начиная стихотворение с внешнего, автор то и дело переходит на внутреннее состояние лирического «я» и снова возвращает нас к внешнему, словно аргументируя, обосновывая одно другим: «*Небо над городом плачет // Плачет и сердце мое*». Кроме того, как и в оригинале Верлена, появляются урбанистические зарисовки: «*Небо над городом*», «*И по земле, и по крышам // Ласковый лепет дождя*». В поэзии самого Брюсова образ города доминирует — часты у него урбанистические стихотворения, описывающие город в движении, при искусственном освещении, поэтому и здесь не случайно неоднократное упоминание олицетворенного города, плачущего дождем. Само стихотворение Брюсова по сравнению с Анненским и самим Верленом более рационалистично: Верлен, как и Анненский, тяготеет к состоянию души, у него также нет в стихотворении объекта: «*Il pleure dans mon coeur*», «*Il pleure sans raison*» («*плачет в сердце моем*», «*плачет без причины*»). У Брюсова же лирический герой на первом плане, и он более активный и осознающий:

Как-то особенно больно
Плакать в тиши ни о чем.
Плачу, но плачу невольно,
Плачу, не зная о чем.

В его переводе нет трагической тональности Анненского, но и нет эмоциональности Верлена и его восхищенных, удивленных восклицаний и вопросов. Перед нами более рассудочный упорядоченный образ — он задается вопросами, рефлексивен и анализирует, но не поддается эмоциям. Соответственна лирическому герою и интонация стихотворения: более спокойная, не такая эмоциональная. Несмотря на буквально построчное соответствие образов образам Верлена, Брюсов создает собственную пунктуацию: четкий ритм, характерный его поэзии, в котором многоточия, отмечаемые нами у Анненского, замещены активными вопросами и обращениями. Аллитерации на сонорные (особенно часты сочетания «л», «пл», «н») немного замедляют интонацию, но не дают ей такой музыкальности и плавности, как у Верлена или Анненского. Многочисленные повторы в стихотворении упрощают рифмовку и делают текст более простым, даже незатейливым в восприятии. Мы получаем в результате выстроенное, с уравновешенным, бодрим ритмом стихотворение. Таков и лирический герой В. Брюсова — рациональный,

воспринимающий и понимающий, абстрагирующий от эмоций и смотрящий вглубь.

Подведем итоги. Мы рассмотрели переводы одного и того же стихотворения Верлена разными авторами и, как и предполагалось, получили совершенно разные результаты. Трагические, насквозь импрессионистические строки И. Анненского разительно отличаются от рассуждающей, уверенной интонации стихотворения В. Брюсова. В нем больше достоверности и даже подражательности оригиналу, у Анненского же мы встречаем его излюбленный мотив сна, стирающий грани между реальностью и миропереживанием, превращающий стихотворение в мистику. Говоря словами Б. Дубина, перевод «привязан к исходному тексту, но никогда не может — и не сможет — его достигнуть» [Дубин 2008]. Но это, разумеется, и ни к чему: ведь на почве французского оригинала каждому автору удалось создать свое уникальное произведение, в чем-то повторяющее, а в чем-то совершенно не похожее на первоисточник. Таким образом, наличие «авторской окраски», то есть индивидуального поэтического стиля автора, его специфических образов и мотивов, мы можем наблюдать не только в собственных произведениях поэтов, но и на примере переводной поэзии. Даже в, казалось бы, строго ограниченные смысловыми рамками иноязычные стихотворения символисты могли привносить и привносили черты своего собственного, уникального идиостиля.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Парамонова Лиана Юрьевна — аспирант кафедры современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета.

Адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

Эл. почта: liana@sp-corp.ru

ABOUT THE AUTHOR

Paramonova Liana Yurievna is a Postgraduate of Modern Russian Literature Department of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

ЛИТЕРАТУРА

Багно В. Е. Федор Сологуб — переводчик французских символистов // На рубеже XIX–XX веков, сб. науч. трудов под ред. Ю. Д. Левина. — Л.: Наука, 1991. — С. 129–215.

Гинзбург Л. Я. О лирике. — Л.: Советский писатель, 1964. — 407 с.

Горький М. Поль Верлен и декаденты, 1953 // URL: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/article-308.htm> (дата обращения: 26.03.2014).

Дубин Б. Мистика оригинала // Книжный квартал, 2008. — № 4, 12 декабря. — URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1091064> (дата обращения: 26.03.2014).

Импрессионизм. Художественные стили и направления. — М.: Олма-Пресс, 2004. — 127 с.

Косиков Г. К. Два пути французского постромантизма: символисты и Лотреамон // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора / Г. К. Косиков. — М., 1993. — С. 5–62.

Поэзия французского символизма // URL: <http://works.tarefer.ru/43/100007/index.html> (дата обращения: 26.03.2014).

Файн С. В. Поль Верлен и поэзия русского символизма (И. Анненский, В. Брюсов, Ф. Сологуб) // URL: <http://cheloveknauka.com/pol-verlen-i-poeziya-russkogo-simvolizma-i-annenskiy-v-bryusov-f-sologub> (дата обращения: 26.03.2014).

Фёдоров А. В. Искусство перевода и жизнь литературы: очерки. — Л.: Советский Писатель, 1983. — С. 188–204.

Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. — Л.: Советский писатель, 1963. — 431 с.